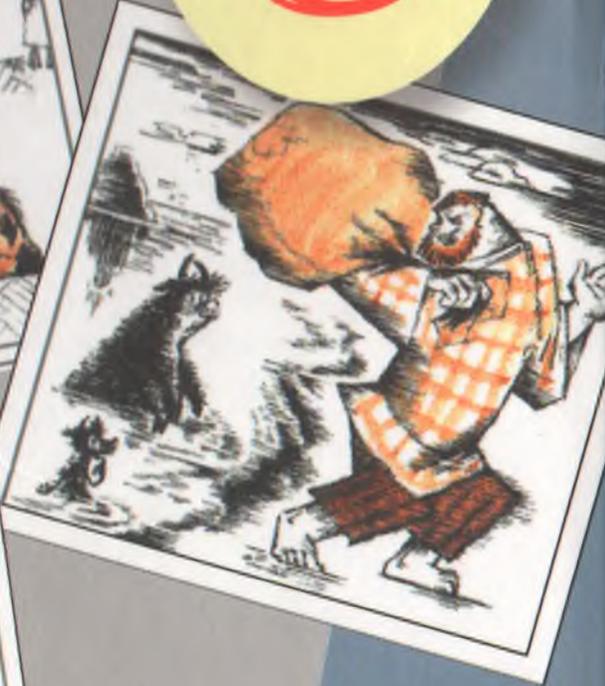

14.5
4-87

ЧТЕНИЕ

8

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ

(1903—1958)

Николай Алексеевич Заболоцкий вырос в большой семье. Отец — агроном, мать — школьная учительница, в семье — шестеро детей, Николай — первенец. Детство протекало в глухомани, до железной дороги многие десятки вёрст.

Переехав в Петроград, Заболоцкий поступает в педагогический институт и осуществляет мечту своего детства — становится писателем. Первая книга его стихов называется «Столбцы».

Николай Заболоцкий часто выступал перед публикой с чтением своих стихов. Он появлялся на эстраде в полинявшей гимнастёрке и тяжёлых солдатских ботинках (два года он служил в армии). Стихи он читал спокойно и внятно.

В 1938 году поэт был несправедливо лишён свободы и сослан на Дальний Восток. Он работал на стройке, прокладывав железную дорогу в тайге, добывал соль в Кулундинской степи. Писать приходилось по ночам, расположившись на кровати — стола не было.

Вернувшись в Москву, Заболоцкий занимался в основном переводами. Он становится признанным мастером переводческого дела. Появляются в печати и его собственные стихотворные произведения. В них поэт говорит о красоте природы, о жизни, о человеке, которому сострадает, в котором уважает человеческое досто-

ство. Его стихи просты и искренни, они несут идеи
обра и красоты. «Стихотворение подобно человеку, —
говорил Заболоцкий, — у него есть лицо, ум и сердце».

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бегает по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся,

Охваченная счастьем бытия.
Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

- ?** 1. О чём рассказывается в первой части? Чем привлекает вас девочка? Какой она вам представляется? Как иллюстрация помогает вам лучше представить себе внешность девочки? Подберите к иллюстрации строчки из стихотворения.
2. О чём рассуждает автор во второй части?
3. Что говорит поэт о красоте человека?
4. Вспомните свои рассуждения о внешней и внутренней красоте человека (в связи с рассказом А. Н. Толстого «Русский характер»). Докажите, что «некрасивая девочка» прекрасна. В чём её истинная красота?

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
2-Й
ПОЛОВИНЫ
XX
ВЕКА**

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ

(1892—1968)

Константин Георгиевич Паустовский родился в Москве, но детские годы его прошли в Киеве. Семья была большой, в семье много пели, играли на рояле, любили театр.

Когда Константин учился в шестом классе киевской гимназии, распалась его семья. С тех пор он сам стал зарабатывать себе на жизнь и учение репетиторством.

В гимназии Паустовский написал свой первый рассказ, его напечатали в киевском литературном журнале «Огни».

После окончания гимназии К. Г. Паустовский учился в университете — сначала в киевском, потом в московском.

Во время Первой мировой войны он работал вожатым и кондуктором на московском трамвае, санитаром на санитарных поездах, потом перешёл в санитарный отряд.

После выхода в свет книги «Кара-Бугаз» К. Г. Паустовский стал заниматься только литературным творчеством, написал ещё много книг, без которых сегодня нельзя представить себе русскую литературу.

Своей второй родиной называет Паустовский Мещёру.

«Там до конца я понял, что значит любовь к своей земле, к каждой заросшей гусиной травой колее дороги, к каждой старой ветле, к каждой чистой лужице, где отражается прозрачный серп месяца, к каждому пересвисту птицы в лесной тишине», — писал Паустовский.

Обо всём, что видел и пережил, К. Г. Паустовский рассказал в романах, повестях, рассказах. Книги Паустовского полны душевного внимания и доброты к человеку, пронизаны любовью к родине.

ТЕЛЕГРАММА

(В сокращении)

I

Октябрь был на редкость холодный, ненастный — тесовые крыши почернели.

Спутанная трава в саду полегла, и всё доцветал и никак не мог доцвести и осыпаться один только маленький подсолнечник у забора.

Над лугами тащились из-за реки, цеплялись за облетевшие вётылы рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь.

По дорогам уже нельзя было ни пройти, ни проехать, и пастухи перестали гонять в луга стадо.

Пастуший рожок затих до весны.

Катерине Петровне стало ещё труднее вставать по утрам и видеть всё то же: комнаты, где застоялся горький запах нетопленных печей, пожелтевшие чашки на столе, давно не чищенный самовар и картины на стенах.

Катерина Петровна доживала свой век в старом доме, построенном её отцом — известным художником.

Изредка заходил сторож при пожарном сарае — Тихон, тощий, рыжий. Он ещё помнил, как отец Катерины Петровны строил дом.

Тихон хлопотал часто без толку, от жалости, но всё же помогал по хозяйству: рубил в саду засохшие деревья, пилил их, колот на дрова. И каждый раз, уходя, оставался в дверях и спрашивал:

— Не слышно, Катерина Петровна, Настя пишет чего?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване — сгорбленная, маленькая, — и всё перебирала какие-то бумаж-

ки в рыжем кожаном ридикюле. Тихон долго сморкался, топтался у порога.

— Ну, что ж, — говорил он, не дождавшись ответа. — Я, пожалуй, пойду, Катерина Петровна.

— Иди, Тиша, — шептала Катерина Петровна. — Иди.

Он выходил, осторожно прикрыв дверь, а Катерина Петровна начинала тихонько плакать. Ветер свистел за окнами в голых ветвях, сбивал последние листья. Ночник вздрагивал на столе. Он был, казалось, единственным живым существом в покинутом доме, — без этого слабого огня Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра.

Настя, её дочь и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде. Последний раз она приезжала три года назад.

Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до неё, старухи. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные интересы, своё счастье. Лучше не мешать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни, сидя на краешке продавленного дивана.

Писем от Насти тоже не было, но раз в два-три месяца молодой почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод.

Василий уходил, а Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова были всё одни и те же: столько дел, что нет времени не то что приехать, а даже написать настоящее письмо.

Катерина Петровна осторожно перебирала пухлые бумажки. От старости она забывала, что деньги эти вовсе не те, что были в руках у Насти, и ей казалось, что от денег пахнет Настиными духами.

Катерина Петровна написала Насте письмо.

«Ненаглядная моя, — писала Катерина Петровна. — Зиму эту я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, поддержать твои руки. Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне не то что ходить, а даже сидеть и лежать».

Манюшка (дочь соседа, девчонка, прибегавшая каждый день, чтобы принести воды из колодца, подмести полы, поставить самовар), шмыгая носом, отнесла это письмо на почту.

1. Какое чувство вызвало у вас описание жизни Катерины Петровны? Кто виноват в её одиночестве? Найдите слова и выражения, которые подчёркивают одиночество Катерины Петровны. Как это одиночество выражено в иллюстрации? Как выглядит Катерина Петровна?

2. Что написала Катерина Петровна в письме дочери? Как вы думаете, писала ли раньше Катерина Петровна такие письма Насте? Как бы вы откликнулись на такое письмо?

3. Озаглавьте эту часть рассказа и передайте её содержание.

4. Выучите наизусть отрывок с начала рассказа и кончая словами «Пастуший рожок затих до весны».

Ц

Настя работала секретарём в Союзе художников. Работы было много. Устройство выставок, конкурсов — всё это проходило через её руки.

Письмо от Катерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая, — решила прочесть после работы. Письма Катерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения: раз мать пишет — значит, жива. Но вместе с тем от них начиналось глухое беспокойство, будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую молодого скульптора Тимофеева, посмотреть, как он живёт, чтобы доложить об этом правлению Союза.

Настя вернулась в Союз художников, прошла к председателю и долго говорила с ним, горячилась, доказывала, что нужно сейчас же устроить выставку работ Тимофеева. Председатель постукивал карандашом по столу, что-то долго прикидывал и в конце концов согласился.

Настя вернулась домой, в свою комнату на Мойке, и только там прочла письмо Катерины Петровны.

— Куда там сейчас ехать! — сказала она и встала. — Разве отсюда вырвешься!

Она подумала о переполненных поездах, пересадке, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материальных слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней — и положила письмо в ящик письменного стола.

Две недели Настя возилась с устройством выставки Тимофеева. На открытии были скульпторы, художники.

Началось обсуждение. Говорили много, хвалили, горячились, и мысль о внимании к человеку, к молодому, незаслуженно забытому скульптору, повторялась в каждой речи.

В дверях появилась курьерша из Союза — добрая и бестолковая Даша. Она делала Насте какие-то знаки. Настя подошла к ней, и Даша, ухмыляясь, подала ей телеграмму.

Настя вернулась на своё место, незаметно вскрыла телеграмму, прочла и ничего не поняла: «Катя помирает. Тихон».

«Какая Катя? — растерянно подумала Настя. — Какой Тихон? Должно быть, это не мне».

Она посмотрела на адрес: нет, телеграмма была ей. Настя скомкала телеграмму и нахмурилась. Выступал Першин.

— В наши дни, — говорил он, — забота о человеке обновится той прекрасной реальностью, которая поможет нам расти и работать. Я счастлив отметить в нашей оде проявление этой заботы. Я говорю о выставке работы товарища Тимофеева. Этой выставкой мы целиком связаны одной из сотрудниц Союза, нашей милой Анастасии Семёновне.

Першин поклонился Насте, и все зааплодировали. Аплодировали долго. Настя смутилась до слёз.

Кто-то тронул её сзади за руку. Это был старый художник.

— Что? — спросил он шёпотом и показал глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. — Ничего неприятного?

— Нет, — ответила Настя. — Это так... от одной знакомой...

Настя быстро встала, вышла, торопливо оделась внизу выбежала на улицу.

Валил водянистый снег. Хмурое небо всё ниже опускалось на город, на Настю, на Неву.

«Ненаглядная моя, — вспомнила Настя недавнее письмо. — Ненаглядная!»

Настя села на скамейку и горько заплакала. Снег таял на лице, смешивался со слезами.

Настя вздрогнула от холода и вдруг поняла, что никто её так не любит, как эта дряхлая, брошенная всеми старушка, там, в скучном Заборье.

«Поздно! Маму я уже не увижу», — сказала она про себя и вспомнила, что за последний год она впервые произнесла это детское милое слово — «мама».

Она вскочила, быстро пошла против снега, хлеставшего в лицо.

«Что же это, мама? Что? — думала она, ничего не видя. — Мама! Как же это могло так случиться? Ведь никого же у меня в жизни нет. Нет и не будет роднее. Лишь бы успеть, лишь бы она увидела меня, лишь бы простила...»

В тот же вечер Настя уехала. Всю дорогу ей казалось, что «Красная стрела» едва тащится, тогда как поезд стремительно мчался сквозь ночные леса...

В Заборье Настя приехала на второй день после похорон. Она застала свежий могильный холм на кладбище — земля на нём смёрзлась комками — и холодную, тёмную комнату Катерины Петровны, из которой, казалось, жизнь ушла давным-давно.

В этой комнате Настя проплакала всю ночь, пока за окнами не засинел мутный и тяжёлый рассвет.

Уехала Настя из Заборья крадучись, стараясь, чтобы её никто не увидел и ни о чём не спрашивал. Ей казалось, что никто, кроме Катерины Петровны, не мог снять с неё непоправимой вины, невыносимой тяжести.

- ? 1. Какие чувства вызывали у Насти письма матери? Почему они были «безмолвным укором»? Как отнеслась Настя к последнему письму матери?
2. Почему Настя не поехала к матери?
3. Какая главная мысль повторялась на открытии выставки?
4. Сравните отношение Насти к художнику и к своей матери.
5. Какие чувства овладели Настей, когда она поняла, что теряет мать?
- ! 6. Объясните, как вы понимаете выражения: *непоправимая вина*, *невыносимая тяжесть*.

**РУВИМ ИСАЕВИЧ
ФРАЕРМАН
(1896—1972)**

Рувим Исаевич Фраерман родился в Могилёве. Там он вёл своё детство, там закончил реальное училище.

Семья его была многочисленна, отцу приходилось за-
пастись всем, что давало какой-нибудь заработок: и по-
зкой дров, и лесными промыслами.

Уезжая в лесные деревни из города, отец брал с собой
на и оставлял мальчика на целое лето то в семье лес-
ка, то в семье лесоруба или плотовщика. Мальчик
т крестьянской жизнью: возил сено, валил лес, ходил
рестьянскими ребятишками в ночное.

И не отсюда ли выросла та сильная любовь к природе,
обование её красотой и силой, которая потом нашла от-
сение в произведениях писателя?

Он исходил пешком, изъездил почти всю Россию с се-
а на юг и с запада на восток.

Писательская деятельность Р. И. Фраермана началась
задцатых годах; он работает корреспондентом, пишет
етки, фельетоны, очерки, начинает писать повести.

О чём бы ни писал Фраерман, на первом плане у него
гда человек, его чувства, мысли, поступки. Он пишет
ружбе, о школе, о семье.

У Фраермана добрый талант, поэтому ему удалось с та-
поэтичностью выразить в своей книге «Дикая собака
го...» первую юношескую, почти детскую любовь.

О своей повести Р. И. Фраерман скажет так: «Мне за-
елось подготовить сердца моих юных современников

к грядущим жизненным испытаниям. Рассказать им что-то хорошее о том, как много в жизни прекрасного... Показать очарование первых встреч, зарождение любви высокой, чистой, готовность умереть за счастье любимого, за товарища».

Умер Р. И. Фраерман, но живы его книги, и новые поколения мальчиков и девочек читают их...

- ? 1. О чём написал в книге «Дикая собака динго...» Р. И. Фраерман? Какова её главная тема?
2. Как Р. И. Фраерман оценивал значение этой книги?

ДИКАЯ СОБАКА ДИНГО, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

(Отрывки)

I

Сняв на пороге мокрую обувь, Таня вошла в свой дом босиком.

Она пригрела ноги на ковре матери, на дешёвом коврике из оленьей шкуры, вытертой в разных местах, и засунула руки под подушку, чтобы пригреть и их. Вода из колодца была действительно холодная. Но ещё холодней показалась Тане твёрдая бумага, захрустевшая под её пальцами.

Она вынула из-под подушки письмо. Оно было немного измято, с разорванным краем — читанное уже несколько раз письмо.

Что это?

Мать никогда не прятала под подушку своих писем.

Таня посмотрела на конверт. Письмо было к матери от отца. Таня узнала это по тому, как сильно стукнуло её сердце, и ещё потому, что внизу прочла она адрес отца.

Таня положила письмо на постель и, босая, прошлась по комнате. Потом спрятала его обратно под подушку и снова прошлась по комнате. Потом взяла и прочла.

«Дорогая Маша, я писал тебе уже несколько раз, но, должно быть, письма мои не доходят: ведь вы так далеко

живёте — совсем на другом краю света. Моя давнишняя мечта наконец исполняется — меня назначили на Дальний Восток. Буду служить как раз в вашем городе. Вылетаем на самолёте втроём — с Надеждой Петровной и Колей. Его уже приняли в вашу школу, в тот же самый класс, где учится Таня. Ты ведь знаешь, как дóрог нам с Надей этот мальчик. Во Владивостоке сядем на пароход. Ждите нас первого числа. Подготовь, прошу тебя, Таню. Мне страшно тебе признаться, Маша, как я виноват перед ней. Не в том, что мы с тобой разошлись, что всё так случилось в жизни: у тебя, у меня, у Нади, — не в этом я виноват перед Таней. Хотя заботы о ней никогда не покидали меня, с первого дня её рождения, но я так редко писал ей, так часто о ней забывал. Да и она мне тоже очень редко писала. И даже в тех редких письмах, когда она только научилась писать, когда рука её с трудом выводила по три слова на одной странице, я находил как бы осуждение себе. Она меня совсем не знает. Как мы с ней встретимся — вот что меня немного страшит. Ведь ей было только восемь месяцев, когда мы с тобой расстались. У неё были такие беспомощные ноги, и пальцы на них были не больше горошин, и руки с красными ладонями. Я так хорошо это помню...»

Таня ничего не помнила. Она посмотрела на свои босые ноги, смуглые до самых колен, с гладкой кожей, с крутым сводом, подпирающим лёгкую ступню. На них так удобно стоять! Посмотрела на руки, ещё тонкие в кистях, но с крепкими пальцами, с сильной ладонью. Но кто, кроме матери, радовался их росту и силе! Ведь даже посеяв горох близ дороги, человек приходит проведать его по утрам и ликует, видя всходы поднявшимися хоть на самую малость.

Таня горько заплакала.

А поплакав, ощутила успокоение, и радость пришла к ней сама, как приходит голод и жажда.

Ведь это же отец приезжает!

Таня вскочила на кровать, расшвыряла подушки на пол. Потом легла ничком и так лежала долго, смеясь потихоньку и плача, пока не вспомнила вдруг, что вовсе не

любит отца. Куда же исчезла её гордость? Не этот ли мальчик Коля отнял у неё отцовскую любовь?

— А всё-таки я ненавижу их, — сказала она.

И снова, то отливая, то приливая, овладевала её сердцем обида.

...Близко за плечами Тани стояла мать. Она вошла неслышно. В дождевом плаще, в белом докторском халате, она показалась Тане совсем другой, чем была месяц назад. И Таня, ещё не опомнившись, секунду-две неподвижно смотрела на мать. Она увидела две еле заметные морщинки, расходившиеся от уголков её носа, и худые ноги в туфлях, слишком просторных для неё — мать никогда не умела заботиться о себе, — и худые, слабые руки, столь искусно врачевавшие больных. Только взгляд её остался неизменным. Таким всегда носила его в памяти Таня. Мать смотрела на неё своими серыми глазами. И в них, как щепотка соли, брошенная в море, растворились мгновенно все обиды Тани. Она поцеловала мать осторожно, избегая притронуться к глазам, словно боясь своим движением погасить их взгляд.

— Мама! — сказала Таня.

Мать обняла её.

— Я торопилась домой, — сказала она. — Я соскучилась по тебе, Танюша.

Она оглядела дочь долгим и пристальным взглядом. Сначала взглянула на волосы — они выцвели сильно, стали совсем как сталь; потом посмотрела в лицо — оно было горячим, и на коже темнел загар.

«Ей было в лагере хорошо», — подумала мать.

Затем поглядела на ноги и удивилась, что Таня сидит сая. Тогда лишь увидела она беспорядок: подушки, валявшиеся на полу, смятую кровать и на кровати письмо, вынутое из конверта.

И взгляд её глаз, который Таня так боялась потревожить своей лаской, погас сам собой, словно ветер, налевший внезапно, возмутил его ясность. В нём появилось спокойствие, неуверенность, тревога. Даже притворство наружила в нём Таня. Иначе зачем же так медленно поднимает с пола подушки и приводит в порядок постель?

— Ты прочла это без меня, Таня? — тихо спросила мать.

Таня безмолвно опустила голову.

— Ты должна быть рада, Таня.

Но и на этот раз с её губ не слетело ни звука.

А мать терпеливо ждала.

— Мама, этот мальчик мне брат? — спросила Таня.

— Нет, — ответила мать. — Он чужой. Он только земляк Надежды Петровны. Но он вырос у них, и папа любит его и жалеет, потому что у мальчика нет ни отца, ни матери. Папа — добрый человек. Я всегда говорю тебе об этом.

— Значит, он мне чужой, он мне даже не брат, — сказала Таня, наклонив голову ещё ниже.

Мать тихим движением подняла её лицо и поцеловала её на раз:

— Танюша, милая, мы с тобой поговорим. Мы обо всём поговорим. Ты встретишь их, Таня, и увидишь сама. Отец будет рад. Ты ведь пойдёшь на пристань, правда?

— А ты, мама?

Но мать отвернулась от её внимательных глаз.

— Я, Таня, не могу. Ты ведь знаешь, мне всегда так некогда.

И, отвернувшись, она не видела, а только почувствовала, как Таня спрятала голову под её слабую руку и крепко прижалась к ней.

— Мама, я люблю только тебя. Я буду всегда с тобой. Ни с кем никогда, никого мне не нужно. Я не пойду их встречать.

? 1. Какие чувства вызвало у Тани письмо отца? Почему она одновременно испытывала печаль и радость?

2. О чём шёл разговор у Тани с матерью? Почему этот разговор был для них нелёгким? Как иллюстрация помогает вам понять, что разговор у них состоялся действительно трудный? Как на ней выглядят Таня и её мама? Какие у них лица?

● 3. Придумайте заголовок к отрывку и перескажите его содержание.

II

...Этот первый день в школе, радостный для всех других детей, был тяжёлым днём для Тани. Она вошла одна на школьный двор, вытоптанный детскими ногами.

Сторож уже отзвонил.

Она толкнула тяжёлую дверь. В коридоре, как и на дворе, было светло, пусто, тихо. Неужели она опоздала?

— Нет, — сказал ей сторож, — беги скорей. Учителя ещё не расходились по классам.

Но она не в силах была бежать. Медленно, точно взбиралась на крутизну, шла она по длинному, натёртому воском коридору...

Таня остановилась у высоких дверей. Тут был её новый класс.

Дверь была закрыта, и в классе шумели.

И этот шум, как милый шум реки и деревьев, с ранних лет окружавший её, привёл в порядок её мысли.

Она, словно мирясь сама с собой, сказала:

— Ну ладно, забудем всё.

Она распахнула дверь. Громкий крик встретил её на пороге.

— Таня, к нам! — кричали одни.

— Таня, с нами садись! — кричали другие.

А Филька сделал на парте стойку — прекрасную стойку, которой мог бы позавидовать каждый мальчик, хотя вид у него был при этом печальный.

Она выбрала Женю в подруги и села с ней рядом, а Филька поместился сзади.

И в ту же минуту в класс вошла Александра Ивановна, учительница русского языка.

Она была молода, лицо у неё было свежее, взгляд светлый и спокойный, невольно привлёкший к себе внимание самых отчаянных шалунов. И всегда на её чёрном платье сияла маленькая звёздочка, выточенная из уральского камня.

— Ребята! — сказала она, после долгого летнего перерыва пробуя свой голос. Он был у неё по-прежнему глубок и тоже невольно привлекал к себе внимание. — Ребята! — сказала она. — Сегодня праздник — мы начинаем учиться, и я рада, что снова с вами, снова буду вашим классным руководителем — вот уже который год. Все вы выросли за это время, а я немного постарела. Но всё же учились мы всегда отлично... Итак, мы начинаем занятия. Я надеюсь, что за лето, ребята, вы ничего не забыли.

Филька громко вздохнул.

Учительница секунду смотрела на него. Но взгляд её не был строгим. Она решила быть сегодня снисходительной к детям. Всё же это их праздник, и пусть кажется им, что сегодня она у них в гостях.

— Что ты вздыхаешь, Филька? — спросила она.

Филька поднялся со скамьи.

— Я встал на рассвете сегодня, — сказал он, — чтобы написать своему другу письмо, и отложил его в сторону, потому что забыл, какие знаки нужно поставить в таком предложении: «Куда ты утром так рано уходила, дружок?»

— Плохо, если ты забыл, — сказала учительница и посмотрела на Таню.

Та сидела с опущенным взглядом. И, приняв этот взгляд за желание избежать ответа, Александра Ивановна сказала:

— Таня Сабанеева, не забыла ли ты, какие знаки препинания нужны в этом предложении? Скажи нам правило.

«Что ж это! — подумала Таня. — Ведь он обо мне говорит».

И она ответила:

— В предложении, где есть обращение, требуется запятая или восклицательный знак.

— Вот видишь, — обратилась к Фильке учительница, — Таня отлично помнит правило. Ну-ка, иди к доске, напиши какой-нибудь пример, в котором было бы обращение.

Филька, подойдя к доске, взял в руки мел.

Таня сидела по-прежнему с опущенным взглядом, чуть заслонившись рукой. Но и заслонённое рукою лицо её показалось Фильке таким убитым, что он пожелал себе провалиться на месте, если это он своей шуткой причинил ей хоть какое-нибудь огорчение.

«Что с ней делается?» — подумал он.

И, подняв руку, мелом написал на доске: «Эй, товарищ, больше жизни!»

Учительница развела руками.

— Филька, Филька, — сказала она с укоризной, — всё ты забыл, решительно всё! Какие уж там запятые! Почему ты слово «товарищ» пишешь с мягким знаком?

— Это глагол второго лица, — ответил без смущения Филька.

— Какой глагол, почему глагол? — вскричала учительница.

— Конечно, глагол второго лица, — с упрямством ответил Филька. — «Товарищ! Ты, товарищ, что делаешь?» Отвечает на вопрос «что делаешь?».

Громкий хохот прошёлся по всем скамьям, заставив Таню поднять лицо. И когда Филька снова взглянул на

неё, она уже смеялась своим милым смехом громче всех остальных.

Филька, чуть ухмыльнувшись, стряхнул со своих пальцев мел.

Филька был доволен.

А учительница с недоумением следила за ним, слегка прислонившись к стене.

Как этот мальчик, которого она ценила за его быстрый ум и находчивость, мог быть доволен своей грубой ошибкой? Нет, тут кроется нечто другое...

1. Считаете ли вы, что плохое настроение Тани как-то связано с письмом отца? Докажите своё мнение.
2. Что сделал Филька, чтобы развеселить Таню?
3. Озаглавьте этот отрывок.
4. Перескажите содержание отрывка.

III

Новогодняя ночь приходила в город всегда тихая, без вьюг, иногда с чистым небом, иногда с тонкой мглой, загорававшейся от каждого мерцания звезды. А повыше этой мглы, над ней, в огромном, на полнеба, круге, ходила по своей дороге луна.

Эту ночь Таня любила больше, чем самую тёплую летом. В эту ночь ей разрешалось не спать. Это был её праздник... В эту ночь в городе никто не спал. Снег сбрасывали с тротуаров на дорогу и ходили друг к другу в гости, и среди ночи раздавались песни, скрипели шаги на снегу.

В этот день мать никогда не работала, и Таня, придя из школы, ещё на пороге кричала:

— Стоп, без меня пирожков не делайте!

А мать стоит посреди комнаты, и руки у неё в тесте. Она относит их назад, как два крыла, которые готовы поднять её на воздух. Но мать остаётся на земле. Она нагибается к Тане, целует её в лоб и говорит ей:

— С праздником тебя, Таня, с каникулами. А мы ещё ничего не начинали делать, ждём тебя.

Таня, бросив книги на полку, спешила надеть своё старенькое, в чёрных мушках, платье. Она еле влезала

в него. Её выросшее за год тело наполняло его, как ветер, дующий в парус с благоприятной стороны. И мать, глядя на Танины плечи, начинала качать головой:

— Большая, большая!

А Таня, не боясь запачкаться в тесте, схватила её сзади за руки и, подняв невысоко от земли, проносила через всю комнату.

— Ты надорвёшься! — кричала в испуге мать.

Но мать была легка. Легче связки сухой травы была эта ноша для Тани.

Она осторожно опускала её на пол, и обе смотрели в смущении на старуху-няньку, которая стояла в дверях.

— Ополоумели обе, — говорила старуха, — забыли про тесто!

И тогда наступали самые приятные часы. Всё, что вечером Таня пила и ела и чем угощала друзей, — всё она делала сама. Она давила чёрные зёрна мака, выжимая из них белый сок, похожий на молоко одуванчика. Она бегала поминутно в кладовую. А в кладовой ужасный холод! Всё замёрзло. Все вещества изменили свой вид, своё состояние, на которое осудила их природа. Мясо было твёрдо, как камень. Таня пилила его маленькой пилкой. А молоко кусками лежало на полке. Таня крошила его ножом, а из-под ножа сыпались ей на руки длинные волокна и пыль, похожая на пыль канифоли. Потом она приносила хлеб. Он сидел в кладовой, как старик. Из каждой поры его веяло смертью. Но Таня знала, что он жив, что всё живёт в её кладовой. Ничто не умерло. Она ставила хлеб и мясо на огонь и давала им жизнь. И мясо становилось мягким, источало крепкий сок, молоко покрывалось пеной, и хлеб начинал дышать.

Потом Таня уходила на лыжах в рощу. Она сбегала по пологому склону вниз, где из-под снега виднелись только вершины молоденьких пихт. Она выбирала одну, самую молодую, у которой хвоя была голубей, чем у других. Она срезала её острым ножом и на плечах приносила домой.

Это было маленькое деревце, которое Таня ставила на табурет. Но и на маленькой пихте находила она несколько

ко капель смолы, которую любила жевать. И запах этой смолы надолго поселялся в доме.

Украшений было на пихте немного: её голубая хвоя, на которой блестела от свечей канитель, по ветвям ползли серебряные танки, золотые звёзды спускались на парашютах вниз. Вот и всё.

Но как хорошо бывало в этот счастливый день! Приходили гости, и Таня была рада друзьям. А мать заводила для них патефон, который приносила с собою из больницы.

И сегодня должно быть нисколько не хуже. Придёт отец, придёт Коля... Придёт ли он?

...Мать была уже одета в своё выходное платье, сшитое из чёрного шёлка. И как стройно держалась сегодня её голова, как тяжелы и блестящи были волосы на затылке! Разве есть на свете человек красивей и милей, чем она?

«Как не может понять этого отец?» — подумала Таня.

Несколько пушинок от ваты пристало к платью матери. Таня сдунула их своим дыханием.

— Скоро придёт отец, — сказала она.

— Да, я жду, — сказала мать, — и Надежда Петровна придёт. Я просила её прийти.

— Ах, лучше бы она не приходила! — невольно воскликнула Таня.

— Почему же, Таня? — спросила мать.

— Не надо.

— Почему же всё-таки, глупое ты дитя?

Но вместо ответа Таня покружила мать вокруг своего маленького деревца...

Скрип шагов и топот на крыльце прервал их кружение.

— Папа пришёл, — сказала мать со смехом. — Перестань.

Таня отскочила в угол.

— Коля пришёл, — сказала она побледнев.

Но нет, это пришли другие — три девочки, с которыми Таня дружила.

Таня вышла к ним из угла.

— А танцевать у тебя можно? — спросили девочки, хотя с мороза глаза их ещё ничего не видели и лица были красны.

— Можно. Сегодня всё можно! — сказала Таня. — Я сейчас заведу патефон.

Громкая музыка заполнила весь дом, как солнцем залила его звуками, набила до самой крыши.

Потом пришёл отец с Надеждой Петровной. Он несколько раз обнял Таню и поздравил её с праздником, а Надежда Петровна подарила ей торбасá и дошку, всю расшитую бисером.

А Коли не было...

Вслед за ними пришёл Филька с отцом, с матерью и с тремя маленькими братьями, на собаках приехавшими к нему в город. Все они были смуглы и стали в ряд перед Таней, поклонившись ей, как хозяйке, низко. Потом все, как один, вынули из карманов платки, сложенные вчетверо, и вытерли ими носы. И охотник гордился их поведением...

Гости снова попросили танцев.

Таня подошла к патефону, радуясь, что может хоть на секунду повернуться ко всем спиной.

Она усердно крутила ручку, и чёрный сверкающий круг вертелся перед её глазами, и, трудолюбивая, как лошадь, ходила по своей борозде игла...

А Коли не было.

«Где же он?» — думала с тоской Таня.

За её спиной, колыхая маленькую пихту и большой бумажный абажур под потолком, танцевали дети. С ними вместе танцевал отец. Он был очень весел сегодня и плясал прекрасно, приводя детей в восторг.

— Посмотри же, Таня, — говорила поминутно мать, — ведь это отец танцует!

— Да, — ответила Таня, — я вижу, мама, он танцует очень хорошо.

Она смотрела на отца. Но мысли и взгляд её блуждали. И вскоре она поймала себя на том, что отец, и танец его, и веселье мало привлекают её внимание сейчас. А ведь совсем недавно сколько и горьких и сладких чувств толпилось в её сердце при одной только мысли об отце! Что с ней? Она всё время думает о Коле.

«Где же он теперь? У Жени сегодня тоже ёлка».

Но тут Филька с братьями начал тихо кружиться, всё оспирая круг. Они заносили ноги мягко, чуть поднимая их с полу, и то один из них, то другой звал к себе Таню. Они танцевали танец, какой обыкновенно танцуют весёлые эвенки на песчаном берегу реки в час, когда восходит над лесом луна.

Таня вошла в их круг. Она танцевала, поминутно поглядывая на дверь...

Таня танцевала и с матерью, и с Надеждой Петровной, устав от танцев, остановилась в углу за своим разукрашенным деревцем.

Рядом с ней у окна стоял одиноко Филька. О нём она совсем забыла: за весь вечер не сказала ему ни слова.

Филька несколько раз позвал её. Она подняла на него вой рассеянный взгляд.

— А завтра кто-то с Колей пойдёт на каток, — сказал Филька.

— Ты, что ли? — спросила Таня.

Филька покачал головой.

— Так кто же?

— Женя.

— А-а...

Таня схватилась за деревце. Оно закачалось под тяжестью её руки, и серебряный шарик упал и разбился о пол. Таня наступила на осколки ногой.

— Что ещё просил тебя сказать мне Коля?

Но Фильке уже стало жалко её.

Его лицо, тёмное, как у отца и братьев, блестело при свете свечей. Он сказал:

— А я могу свечку съесть.

Таня молча смотрела на него. А Филька на самом деле снял с пихты горящую свечку, задул её и начал жевать.

Таня пришла вдруг в себя.

— Что ты делаешь, Филька? — закричала она. — Может быть, это вредно!

— Что ты, Таня, это вовсе не вредно, — сказал Филька. — Это немного невкусно, но зато смешно. Правда, смешно?

Действительно, Таня не могла удержаться от смеха.

А на глазах у Фильки загорелись слёзы. Они, точно огоньки, светились из-под его толстых век. Он всё жевал и жевал.

«Почему он как будто плачет?»

Таня огляделась вокруг, но не нашла никого, кто заставил бы Фильку плакать.

«Может быть, в эти детские свечи подмешивают какое-нибудь горькое вещество?»

Она силой отняла у него свечу.

— Ты заболеешь, Филька, — сказала Таня. — А ведь утром я хотела пойти с тобой в школу на спектакль. И зачем ты, — добавила она, — показываешь детям глупые примеры? Посмотри.

Рядом с Филькой стоял его младший брат и тоже жевал свечку. Но он, по-видимому, не испытывал при этом никакой горечи. Его лицо с широкими скулами было только лукаво и выражало в полной мере удовольствие.

А в руках он держал апельсин.

- ? 1. Объясните, чем было вызвано волнение Тани накануне Нового года.
2. Кого с нетерпением ждала Таня к себе в гости?
3. Как вы объясните поведение Фильки на уроке? в гостях у Тани? Почему он дурачился, хотя ему хотелось плакать? Почему ему было грустно?
4. Озаглавьте этот отрывок.
- 5. Перескажите содержание этого отрывка.

IV

...Таня зашагала шире, быстрее побежала вперёд к открытым воротам школы.

Возле школы толпились дети. Но странно, они не входили, а выходили из ворот. Они с криком бежали навстречу Тане, и она долго не могла понять их слов.

— Буран, — кричали они, — буран! Никакого спектакля не будет!

Матери, кутаясь в шубы, хватали малышей за руки и уводили домой. Иных же уводили отцы.

Из ворот вышла Александра Ивановна, ведя за собой девочку. А за другую руку учительницы держался ма-

ленький мальчик, который, казалось, никуда не хотел уходить.

Таня внимательно огляделась вокруг. Она подняла глаза и увидела небо, разделённое резко на два разных цвета — чёрный и синий. Чёрным оно было левей, на востоке, и стояло там прямою стеной. На город надвигался буран. Он плыл высоко, он ещё не опускался на землю.

Таня посмотрела на воздух сквозь пальцы. Он был тёмный уже и сгущался.

«Буран, — с тревогой подумала Таня, — а они на реке».

— Буран! — крикнула Александра Ивановна. — Возвращайся, Таня, домой. Скажи об этом всем, кого встретишь.

Но Таня не повернула. Она подбежала ближе.

— Я не боюсь бурана, — сказала она. — Я помогу вам. Дайте мне девочку, я отведу её домой.

— Она живёт далеко, у реки, возле барж.

— Ничего, я знаю, где она живёт.

— Ну что ж, отведи, а я отведу мальчишку. Только смотри поскорей возвращайся домой, — беспокоило сказала учительница.

— Я сделаю всё хорошо, — торопливо ответила Таня, — не беспокойтесь, Александра Ивановна.

Она схватила девочку за руку, и вдвоём они побежали вдоль длинной улицы, где, несмотря на полдень, хозяйки закрывали ставни на окнах и зажигали в домах огни.

Они бежали быстро, не останавливаясь, только ветер на перекрёстках задерживал их.

У реки с высоты Таня увидела баржи, занесённые снегом до мачт. А направо каток. А далеко за катком, на реке, на вершинах открытых гор, как цветы, поднимались на тонких стеблях белые крутящиеся вихри. На катке никого не было. Только две крошечные фигурки, держась за руки, катились по краю льда.

Таня сбежала вниз по тропинке и помчалась вдоль берега, поглядывая то на каток, то на девочку, уже задыхающуюся от бега. Она подняла её на руки и понесла в дом, стоящий на самом берегу.

Через мгновение Таня снова показалась на пороге дома, уже одна. Она прыгнула вниз на лёд и пошла меж барж по тропинке, где ноги тонули в снегу. Она решила несколько не торопиться. Она придёт на каток и скажет им грубо: «Пора вам опомниться и разойтись по домам. Только не думайте, что я пришла сказать вам это. Я отводила девочку домой и случайно проходила мимо. Это ваше счастье, потому что я вижу — вы оба забыли всё».

Так бормотала Таня, всё ускоряя шаг, пока ноги не понесли её, точно на крыльях. Она мчалась мимо замёрзших барж, и тёмный воздух гудел в её ушах. А дорожка оказалась самой короткой из всех. Она вскоре привела её на каток. Но здесь Таня никого не застала. Она обвела глазами всю реку, берег, дымившийся на высоких местах. И неожиданно заметила Колю близко, почти у самых ног. Он сидел на снегу подле зелёных гирлянд, упавших от ветра, и Женя сидела рядом с ним. Мгла уже подбиралась к солнцу.

Таня грудью разорвала еловые ветки.

— Разве вы слепые? — сказала она Жене. — Скоро начнётся буря, Александра Ивановна велела, чтобы все шли по домам.

Но, уже сказав это, она увидела, что Женя и без того испугана: хотя щёки её были красны, но она вся дрожала.

— Что случилось? — с тревогой спросила Таня.

— Это всё Коля устроил, — сказала Женя дрожа. — Ему захотелось покататься со мной на коньках. Но мне страшно, здесь ветер.

— Зачем ты врешь? — сказал Коля. — Разве не тебе хотелось покататься утром?

— А разве не ты просил Фильку сказать Тане, что мы утром придём сюда? — сердито ответила Женя.

Но Таня не слушала их. Она с заботой склонилась над Колей.

Лицо его было бледно, он держался за ногу, не в силах подняться с сугроба.

— Уходи ты, глупая, — сказал он Жене. — Уходите вы обе, я останусь один.

Женя всё не переставала дрожать.

— Я пойду домой, — сказала она.

Таня взяла её за плечи, тихо повернула лицом к городу.

— Уходи, — сказала она. — Только зайди к Фильке скажи, что мы здесь. Мамы нету дома.

— Нет, нет, я пойду прямо домой. Я боюсь — скоро чнётся буран.

Женя побежала вверх на гору, рукавом закрывая от гра лицо.

Таня опустилась на лёд перед Колей, стала развязывать ремни.

— Ты ушибся? Тебе больно?

Он промолчал.

Кругом темнело всё: река, и лёд, и небо.

Пальцы её озябли. Она грела их, изредка зажимая крепко между колен. Коля старался не стонать. Она прогнула ему руку. Он встал и снова опустился на снег.

— Ты сломал себе ногу? — сказала Таня в страхе.

— Нет, — ответил Коля, — я только слегка растянул бе жилу. Эта глупая Женя совсем не умеет кататься.

— Что же мне делать? — сказала она. — И мамы нет дома. Но если ты не можешь ходить, я на руках отнесу тебя до рыбацких домов. А здесь оставаться нельзя. Ты же знаешь наших буранов.

— Я не боюсь ваших буранов, — ответил упрямо Коля. — Уходи, если ты боишься.

— Нет, — сказала Таня, — я не бурана боюсь, я боюсь тебя. Я знаю, что это опасно, и останусь здесь с тобой.

Она села на снег подле Коли. Она смотрела на него нежностью, которую больше не хотела скрывать. И лицо её выражало тревогу.

Он опустил голову.

— Я должен быть дома, — сказал он. — Я дал слово тцу. Ведь он не знает, где я.

— Что же мне делать? — повторила Таня.

Она отвела глаза от Коли, потом вскочила на ноги, более весёлая, чем прежде.

Небо сползало с гор, расстилаясь, как дым, по ущелью. И чёрная даль была близка, стояла за скалами рядом. А всё же самый страшный ветер ещё не вышел из-за

песчаной косы, где были разбросаны камни. И снег ещё не падал сверху. Буран надвигался медленно.

— У нас есть время, — сказала Таня. — У Фильки собаки, а я правлю нартой отлично. Я пригоню их сюда. Мы можем успеть. Подожди меня тут, и я отвезу тебя домой к отцу. Только не бойся.

Таня взбежала на берег.

Наклонив лицо и рассекая ветер телом, она пробежала по улице, уставленной высокими сугробами. Все ворота были уже закрыты. Одни лишь ворота Фильки стояли раскрытые настежь. Только что он приехал с отцом на собаках. Он стоял на крыльце, очищая свои лыжи от снега, и, увидев вдруг рядом Таню, дышавшую громко, в изумлении отступил перед ней. А собаки лежали у ворот на дворе, запряжённые в нарту, — их ещё не успели распрячь. И каюр — длинная палка из ясеня — был воткнут рядом с ними.

Таня схватила каюр и упала на нарту.

— Что ты делаешь, Таня! — крикнул в испуге Филька. — Берегись, они злые.

— Молчи, — сказала Таня, — молчи, милый Филька! Мне надо скорее отвезти к отцу Колю. Он вывихнул себе ногу на катке. Я сейчас пригоню твою нарту. По реке это близко.

Она взмахнула каюром, крикнула на собак по-нанайски, и собаки вынесли её из ворот.

Пока Филька успел соскочить с крыльца и надеть на ноги лыжи, нарта была уже далеко. Но всё же он бежал вслед за Таней и кричал изо всех своих сил:

— Буран, буран! Куда ты? Подожди меня!

Но Таня уже не слышала его криков.

Она сидела на нарте верхом, как настоящий охотник. Она правила отлично, держа наготове каюр. И странно, собаки слушались Таню, хотя голос её был им незнаком.

Филька остановился. Ветер ударил его по плечам и заставил присесть на лыжи. Но он не повернул назад.

Он посидел немного на лыжах, размышляя о том, что видел, о ветре, о Тане и о себе самом. И, решив, что всё хорошее должно иметь хорошее направление, а не дурное,

поворотил внезапно от дома и, свернув на дорогу, ведущую в крепость через лес, побежал по ней прямо против бури.

А пока он бежал, собаки его дружно вывезли Таню на лёд. Она затормозила нарту возле Коли, с силой воткнув меж полозьями длинный каюр. И тотчас же собаки легли, нисколько не ссорясь друг с другом.

Коля, шатаясь от боли, встал с трудом. И всё же он улыбался. Даже удовольствие светилось на его озябшем лице. Он в первый раз видел в упряжке собак, в первый раз приходилось ему ездить на них.

— Право, это неплохо придумано, — сказал он, поглядев на лёгкую нарту, подбитую китовым усом, и на собак, грызущих снег по сторонам. — Эти собаки не так уж злы, как об этом беспрестанно твердил мне Филька, и не так сильны на вид. Они лишь немногим больше наших шпицев.

Но Таня, лучше его знавшая их злость, необузданный нрав и постоянное желание свободы, ни на шаг не отходила от нарты. Только на мгновение отлучилась она, для того чтобы осторожно подхватить под руки Колю и посадить его в сани. Потом прыгнула в нарту и пустила собак вперёд. Но как неуловимы при этом были её движения и как верны, как зорок был взгляд, который бросала она на снег, уже начинавший шипеть и шевелиться по дороге, и как робок становился он, когда она обращала его назад — на Колю!

— Тебе не очень больно? — спрашивала она. — Потерпи, скоро приедем. Только бы успеть до бурана!

Он удивлялся. В её глазах, тревожно горевших под обмёрзшими от ветра ресницами, и во всём её существе являлся ему совершенно незнакомый смысл. Будто на этих диких собаках, запряжённых в лёгкие сани, сквозь острый снег, царапающий кожу на лице, уносились они оба в другую, новую страну, о которой он ещё ничего не слышал.

И он держался за её одежду, чтобы не выпасть.

А метель уже занимала дорогу. Она шла стеной, как ливень, поглощая свет и звеня, как гром меж скал.

И Таня, оглушённая ветром, увидела смутно, как от этой белой стены, словно стараясь оторваться от неё, вскачь мчится по дороге лошадь. Кого уносила она от бурана, Таня не могла увидеть. Она почувствовала только, как собаки с яростью рванулись навстречу, и закричала на них диким голосом. Коля не понял её крика. Но сама она знала, зачем кричит так страшно: собаки не слушались больше.

Точно тяжёлым копьём, Таня покачала каюром и, напрыгнув руку, с силой воткнула его в снег. Он вошёл глубоко и сломался. Тогда Таня обернулась, и Коля на одно лишь мгновение увидел на лице её ужас. Она крикнула:

— Держись крепче за нарту!

...Нарта, не сдерживаемая более тормозом, налетела на сбившуюся стаю, поднялась, опрокинулась набок.

Таня схватилась за полоз. Точно молния ударила её по глазам. Она на секунду ослепла. Бечева от саней, захлестнувшись об острый торос, лопнула со змеиным свистом. И свободная стая умчалась в глухую метель.

Никто не шевелился: ни Таня, лежавшая рядом с нартой, ни Коля, упавший ничком, — всё оставалось неподвижным. Двигался только снег и воздух, туго ходивший туда и сюда по реке.

Таня первая вскочила на ноги. Она нагнулась, подняла нарту и снова нагнулась, помогая подняться Коле. Падение не ошеломило её. Как и прежде, все движения её были неуловимы, сильны и гибки. Она отряхнула снег с лица спокойно, будто не случилось никакого несчастья.

Коля же не стоял на ногах.

— Мы погибнем. Что я наделал, Таня! — сказал он со страхом, и даже слёзы показались на его глазах, но они замёрзли, не успев даже скатиться по ресницам.

Коля начал снова клониться на бок, опускаться на землю. И Таня снова подхватила его, стараясь удержать.

Она закричала ему:

— Коля, ты слышишь, мы никогда не погибнем! Только нельзя стоять на месте — занесёт. Ты слышишь меня, Коля, милый? Двигаться надо!

Она напрягла все силы. И так стояли они, будто обнявшись. И метель приютила их на минуту в своих облаках, а потом оглушила своим громким голосом.

Таня ногой пододвинула нарту поближе.

— Нет, нет, — крикнул Коля, — я этого не хочу! Я не позволю тебе везти меня!

Он стал вырываться. Таня обхватила его за шею. Холодные лица их касались друг друга. Она просила, по-

вторя одно и то же, хотя трудно было выговорить слово — каждый звук на губах умирал от жестокого ветра.

— Мы спасёмся, — твердила она. — Тут близко. Скорее! Нельзя ждать.

Он опустил на нарту. Она шарфом стёрла с его лица снег, осмотрела руки — они были ещё сухи — и крепко завязала у кисти шнурки его рукавиц.

Ухватившись за обрывок верёвки, Таня потащила нарту за собой. Высокие волны снега катились ей навстречу — преграждая путь. Она взбиралась на них и снова опускалась и всё шла и шла вперёд, плечами расталкивая густой, непрерывно движущийся воздух, при каждом шаге отчаянно цеплявшийся за одежду подобно колючкам ползучих трав. Он был тёмный, полон снега, и ничего сквозь него не было видно.

Иногда Таня останавливалась, возвращалась к нарте, теребила Колю и, несмотря ни на какие его страдания и жалобы, заставляла сделать десять шагов вперёд. Дышала она тяжело. Всё лицо её было мокро, и одежда становилась твердой — покрывалась тонким льдом.

Так шла она долго, не зная, где город, где берег, где небо — всё исчезло, скрылось в этой белой мгле. И всё же Таня шла, склонив лицо, нащупывая дорогу ногами, и, как в самый страшный зной, пот струился по её спине.

Вдруг послышался выстрел из пушки. Она сняла шапку, послушала, подбежала к Коле и снова заставила его подняться с саней. С трудом выталкивая из горла звуки, она закричала. Но крик её показался не громче шороха сухих снежинок.

— Ты слышал, пушка стреляет из крепости. Может быть, это нам подадут сигнал.

Он слабо кивнул ей головой. Оцепенение охватывало его всё сильнее. И Таня уже не усадила больше Колю в сани, но, обхватив за пояс и положив его руку к себе на шею, потащила снова вперёд, заставляя всё же передвигать ногами.

Они свернули налево, откуда послышался ещё один выстрел. Этот был уже громче и прошёл по всей реке.

Таня крепче налегла на ветер грудью, благословляя силу своих лёгких, помогавших ей как-нибудь дышать в эту страшную бурю, и силу своих ног, несущих её вперёд, и силу рук, не выпускающих из своих объятий друга.

Но порой на мгновение нападал на неё страх. И тогда казалось ей, что она одна в мире среди этой вьюги.

Между тем навстречу ей, окружённые той же метелью, двигались на лыжах пограничники. Они шли густой цепью, раскинутой далеко по реке. В руках у каждого была длинная верёвка, конец которой держал другой. Так были они соединены все до одного и ничего не боялись в мире. Такая же мгла, такие же торосы, такие же высокие сугробы, катившиеся вперёд и назад, вставали перед ними, как и перед Таней. Но стрелки легко сбегали с них и легко взбирались, не тратя напрасно дыхания.

А если ветер был очень силен, они гнулись к земле, будто старались под ним проскользнуть.

Так приближались они к тому месту, где находилась Таня. Но и в двух шагах её не было видно. По-прежнему одинокой казалась среди вьюги эта девочка с лицом, обледенелым от пота, державшая на руках своего ослабевшего друга. Она ещё двигалась вперёд, но и у неё уже не было сил. Она шаталась от каждого порыва ветра, падала, снова вставала, протягивая вперёд только одну свободную руку. И вдруг почувствовала под своим локтем верёвку. Она судорожно вцепилась в неё. Это могла быть и верёвка от баржи, вмёрзшей поблизости в лёд. Но всё же, перебирая рукой по канату, Таня закричала:

— Кто тут, помогите!

И неожиданно коснулась шинели отца.

Во мгле, без всяких видимых признаков, не глазами, ослеплёнными снегом, не пальцами, помертвевшими от стужи, но своим тёплым сердцем, так долго искавшем в целом мире отца, почувствовала она его близость, узнала его здесь, в холодной, угрожающей смертью пустыне, в полной тьме.

— Папа, папа! — закричала она.

— Я здесь! — ответил он ей.

И лицо её, искажённое страданием и усталостью, покрылось слезами.

— Он жив, — сказала она, толкая Колю к отцу, и сама, вся содрогаюсь от громкого плача, припала лбом к его коленям.

Он присел на корточки и, сорвав с себя шинель, укутал прижавшихся к нему детей.

Что с ним? Он тоже плакал, и лицо его, искажённое страданием, как у Тани, было совершенно мокро. Но, впрочем, это мог быть и снег, растаявший от дыхания под его тёплым шлемом.

— Филька... Филька прибежал к нам, — сказал отец.

— Филька, Филька! — повторила громко Таня, хотя Фильки не было здесь.

Минуту-две они оставались без движения. Снег напозал на них всё выше.

Отец сильно дернул за верёвку. Справа и слева стали появляться красноармейцы, не выпуская из рук бечевы. Они, как белые клубы снега, возникали из вьюги и останавливались подле детей.

Красноармейцы тесным кругом окружили детей и полковника, и вся толпа двинулась среди вьюги назад.

А из крепости раздался ещё один выстрел.

- ? 1. Что случилось с Колей на катке?
2. Какое решение приняла Таня? О какой черте её характера это говорит?
3. Куда направился Филька? Почему он побежал не домой, не за Таней? Правильным ли было его решение?
4. Кто пришёл на помощь Тане и Коле? Как это произошло?
5. Оцените поведение Жени, Коли, Фильки и Тани во время бурана.
- 6. Прочитайте описание бурана.
7. Разделите отрывок на части. Озаглавьте этот отрывок.
8. Перескажите содержание отрывка.
- ! 9. Подберите слова для характеристики Тани: *решительная*, ..., ..., ..